

ИСТОРИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

УДК 94(47).07+94(47).08

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ПОПЕЧИТЕЛЕЙ КАЗАНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА И ДИНАМИКА ВОЗРАСТНОГО СОСТАВА ПРОФЕССОРОВ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1804–1884 ГОДАХ

Т.В. Костина¹, А.В. Куприянов²

¹*Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук,
г. Санкт-Петербург, 199034, Россия*

²*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург, 190008, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрена динамика возрастного состава профессорского корпуса Казанского университета в сравнении с Московским, Дерптским и Санкт-Петербургским университетами с момента основания до 1884 г. Материалом для исследования послужила база данных, в которую были сведены основные моменты биографии профессоров. Новые методы работы с массивом биографических материалов позволили провести анализ временной динамики объективных показателей возрастной структуры с детализацией до года. Выявлено, что история этих высших учебных заведений распадается на периоды постепенного старения корпуса профессоров, прерываемые резкими скачкообразными омоложениями, маркирующими, как правило, энергичное вмешательство попечителей учебных округов или министерства в жизнь университетов. При этом историческая динамика возрастной структуры профессоров в Казанском университете значительно отличается от относительно согласованной динамики в остальных трёх учебных заведениях. Рассмотрены наиболее существенные кадровые перестановки в Казанском университете. Обсуждается вклад различных факторов в своеобразный характер динамики возрастной структуры в Казанском университете: трудности первых лет работы университета, постоянный дефицит кадров, активное вмешательство попечителей учебного округа.

Ключевые слова: образовательная политика, попечители учебных округов, Казанский университет, Министерство народного просвещения, XIX век, возрастная динамика, университеты, профессора, климетрия

Введение

В последнее время историки всё чаще рассматривают профессорские корпорации как социальные группы, обращая внимание на их различные социально-демографические характеристики, включая возрастной состав [1, с. 427]. В этом отношении Казанский университет не является исключением. Так,

Т.В. Костиной были охарактеризованы профессорские коллегии, сформированные в нём до 1863 г. [2, с. 112–118; 3], а Л.А. Бушуевой – с 1863 до 1917 г. [4, с. 73–39; 5]. В этих исследованиях акцент был сделан на изучении социального возраста, субъективного восприятия соответствующих когорт как «стариков» и «молодых», а также изменении представлений о пределах старости в течение XIX в.; меньше внимания уделялось объективным показателям. Названные работы были выполнены на основе изучения временных срезов, отражающих кадровый состав университета на избранные даты¹. Между тем этот способ даже в сочетании с многочисленными привлечёнными замечаниями о возрасте самих профессоров и анализом особых случаев, выбивающихся из средних показателей, позволяет создать лишь приблизительную картину исторической динамики возрастной структуры данной группы.

Вернуться к изучению вопроса нас побудило обращение к новым методам работы с источниками, объединяемым под названием *digital humanities*. С их помощью оказалось возможным не только углубить и верифицировать полученные ранее представления, детализировав изменения в возрастном составе казанской профессуры, но и сравнить её характеристики с аналогичными показателями в других университетах.

Методика

Для создания объективной картины динамики возрастного состава была задействована база биографических данных, которая охватывает профессоров Казанского (1804–1884), Московского (1755–1884), Дерптского (1803–1884) и Петербургского (1819–1884) университетов². Основой для неё послужили биографические словари (БСППИМУ, БСППИУОУ, БСППИКУ), а также другие массовые источники, достаточно полно характеризующие объект настоящего исследования (Мих., СППИФФПУ, СППФМФПУ, СППЮФПУ, СППФВЯПУ, ИПРУ, СБСППСПУ, ЕАД). В связи с тем, что биографический словарь по Московскому университету, изданный к столетнему юбилею, доведён только до 1855 г., главными источниками пополнения базы за период 1855–1884 гг. стали адрес-календари и биографические словари дореволюционной профессуры (БМБН, ХН).

Невысокая численность профессуры в рассматриваемый период (см. рис. 1) побуждает к достижению максимальной полноты анализируемых данных: персонального состава учебных заведений, периодов службы и годов рождения соответствующих лиц. В частности, благодаря архивной работе, проведённым в последние годы исследованиям, а также улучшению доступа к базе данных Э. Амбургера (ЕАД) удалось установить с уверенностью либо с большой долей

¹ Несмотря на то что в качестве временного отрезка часто заявлен год, в действительности исследователи всё равно опираются на источники, в которых приведён перечень сотрудников на конкретную дату (ежегодные отчёты университетов, послужные списки, адрес-календари и т. п.).

² В создании базы данных по Московскому и Санкт-Петербургскому университетам принимали участие Е.В. Иванова и С.С. Проханова, бывшие на тот момент студентами Школы социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». При составлении базы для Московского, Дерптского и Казанского университетов за начальный пункт были взяты годы их основания (возобновления деятельности), а для Санкт-Петербургского – год преобразования Главного педагогического института в университет. В статье отражены результаты по Московскому университету с конца XVIII в., поскольку более ранний период не актуален для сравнения с Казанским университетом.

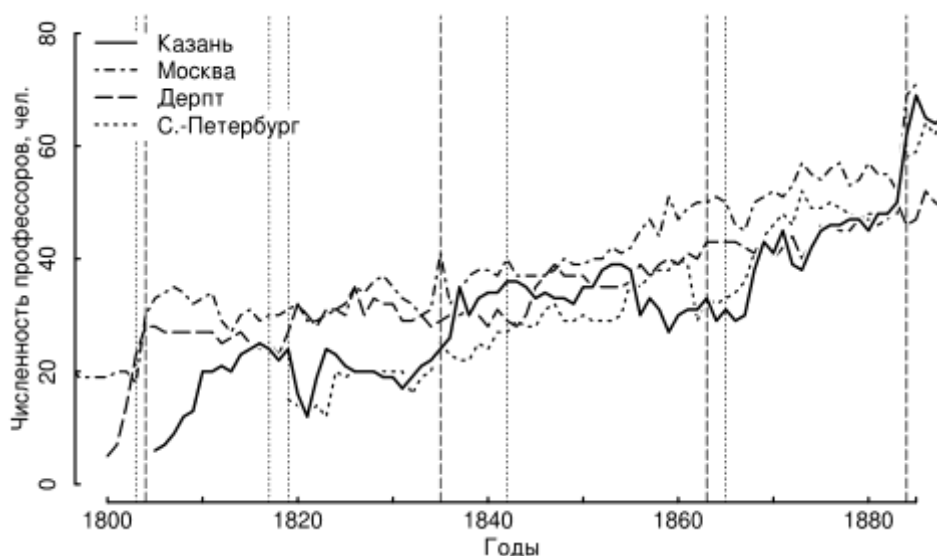

Рис. 1. Общая численность экстраординарных и ординарных профессоров Казанского, Московского, Дерптского и Санкт-Петербургского университетов. Здесь и далее на рис. 2 и 3 вертикальные линии обозначают годы принятия уставов: штриховые – 1804-й, 1835-й, 1863-й, 1884-й для Московского и Казанского университетов, начиная с 1835-го также для Санкт-Петербургского университета; пунктирные – 1803-й, 1817-й, 1842-й, 1865-й для Дерптского и 1819-й для Санкт-Петербургского (после преобразования из Главного педагогического института) университетов

вероятности годы рождения двухсот четырёх из двухсот пяти экстраординарных и ординарных профессоров Казанского университета. Неизвестной осталась только дата рождения А.А. Бунге (Мих., ч. 1, вып. 1, с. 269, 280)³. В то же время из-за значительности объёма данных мы часто вынуждены доверять лексикографическим источникам и опубликованным спискам преподавателей, не перепроверяя приведённых в них дат рождений, зачислений на службу и увольнений. Между тем за увольнение в словарной статье нередко принимается дата его окончательного юридического оформления, а не фактическое прекращение трудовой деятельности, например чтения лекций.

Далее в рамках каждого года вычленялись подмножества, для которых затем рассчитывались интересующие нас показатели, выстраиваемые во временные ряды⁴. На основании имеющейся в распоряжении информации о датах рождения определялся возраст каждого из преподавателей на конкретный год, после чего отслеживалась временная динамика выбранных характеристик профессорского

³ Например, дата рождения А.Н. Бекетова установлена по его формулярному списку (НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 962; Д. 3584. Л. 445–450). Значительное количество дат было уточнено ранее по архивным данным Т.В. Костиной в процессе работы над статьёй «Иностранцы профессора Казанского университета 1830-х – 1850-х гг.» (ИПКУ) и биографическим словарём «Иностранцы профессора Российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.)» (ИПРУ). В статье они используются как окончательные, проверенные данные.

⁴ Детальное описание метода см. в работе А.В. Куприянова «От просопографии университетской профессуры до цифрового следа философского парохода: “средние данные” и формальные подходы в истории науки» [6], пример приложения к анализу временной динамики кадрового состава университетов представлен нами в «Вестнике Санкт-Петербургского университета» в 2016 г. [7].

состава в целом на протяжении исследуемого периода. Все необходимые преобразования данных, расчёты и подготовка иллюстраций выполнялись в среде статистического программирования R (см. [8]).

Чтобы экономно представить возрастную структуру и её временную динамику, необходимо выбрать одну из суммарных статистик, которая бы удачно репрезентировала состояние коллектива на конкретный год. За таковую была взята медиана распределения возрастов (или медианный возраст) – одна из стандартных характеристик распределения величин в конечном ряду наблюдений; определяется как срединное значение числового ряда, упорядоченного от минимального к максимальному значению измеряемой величины⁵. Например, в ряду из семи возрастов профессоров: 30, 33, 34, 42, 45, 52 и 54 (Казанский университет, 1806 г.) – медиана приходится на срединное, четвёртое по счёту значение – 42 года. Если количество членов числового ряда чётное, то за медиану принимается среднее арифметическое двух центральных членов упорядоченного числового ряда. Практический смысл медианного возраста в том, что половина членов коллектива имеет возраст меньший или равный медианному, а другая половина – больший или равный медианному. В асимметричных распределениях медиана обычно ближе к модальному (наиболее часто встречающемуся) значению или классу значений, чем среднее арифметическое, поскольку она устойчива к наличию отдельных резко уклоняющихся абсолютных значений анализируемой величины.

При неизменном составе корпуса преподавателей медианный возраст (как и возраста всех членов по отдельности) с каждым годом возрастает на единицу. Изменение состава корпуса (прибытие новых членов или выбытие прежних) приводит либо к ускорению, либо к замедлению этого естественного старения, а в отдельных случаях даже к значительному снижению медианного возраста (омоложению коллектива). Таким образом, восходящие участки графика, близкие к прямым вида $y = x - t$, где y – медианный возраст, x – текущий год, t – год рождения носителя медианного возраста или, соответственно, среднее арифметическое годов рождения двух лиц, на основании возраста которых рассчитывается медиана при чётном количестве членов корпуса, отмечают периоды согласованного естественного старения коллектива, а резкие скачки вниз указывают на периоды изменения состава коллектива, затронувшие в немалой мере его возрастную структуру.

Проведя необходимые расчёты для четырёх упомянутых выше учебных заведений, мы обнаружили, что в отношении исторической динамики медианных возрастов Дерптский, Московский и Санкт-Петербургский университеты имеют много общего (см. рис. 2), а Казанский университет серьёзно отличается. Значительное понижение этого показателя происходило здесь за рассматриваемый период пять раз, тогда как в других университетах оно наблюдалось два-три раза. При этом понижения медианного возраста в 1809, 1820–1824, 1855–1857,

⁵ В последнее время различия между средним арифметическим и медианой стали известны даже в кругах, далёких от статистики, в связи с оптимистичными отчётами правительства о размере средней заработной платы. Средние зарплаты обычно намного выше тех, что получает низкооплачиваемое большинство. Профсоюзные деятели и иные критики всё чаще пишут о необходимости озвучивать медианные показатели вместо средних.

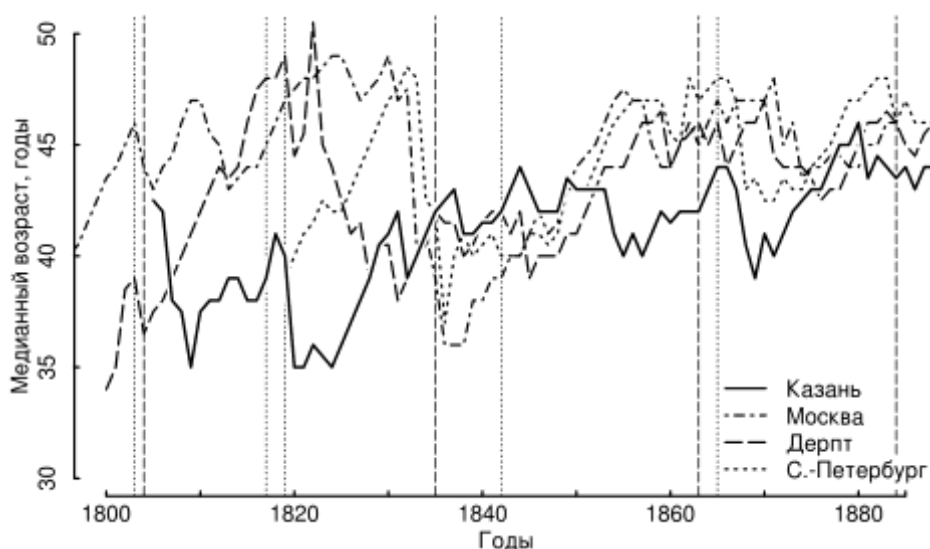

Рис. 2. Медианный возраст профессоров Казанского, Московского, Дерптского и Санкт-Петербургского университетов. Значения вертикальных линий см. в подписи к рис. 1

1869–1871 и 1881 гг. пришлось на периоды относительно согласованного старения профессуры других университетов. Между тем в министерстве С.С. Уварова, проводившего политику «ручного» регулирования кадрового состава российских университетов [9], профессорская коллегия Казани оказывалась временами старше коллегий столичных и даже Дерптского университетов. Далее мы попытаемся найти объяснения этому явлению в истории самого восточного на тот момент университета России.

Результаты и их обсуждение

Формирование профессуры в рассматриваемый период происходило разными путями. По университетским уставам значительное участие в этом процессе могли принимать сами профессорские сообщества путём выбора или рекомендации Министерству новых членов (СПМНП, т. 1, стб. 145–146; 300, 305, 307; т. 2, стб. 974, 980–981; т. 3, стб. 1050–1052, 1057). В то же время к резкому омоложению кадров Советы университетов отношения не имели. Инициаторами обновления становились попечители учебных округов или представители Министерства народного просвещения. Однако и в последнем случае попечители принимали самое непосредственное участие в пересмотре кадрового состава, выступая проводниками стороннего вмешательства. Местная специфика нередко оказывала значительное влияние на проводимую попечителями политику. Так, в течение всего рассматриваемого периода Казанский университет отличал больший, чем в остальных трёх университетах, кадровый дефицит, что было важным фактором, влиявшим на принимаемые попечителями учебного округа решения (см. рис. 3).

Первое резкое понижение медианного возраста казанских профессоров произошло при попечителе С.Я. Румовском (1803–1812). Перед ним стояла цель сформировать профессорско-преподавательский состав готовящегося к открытию

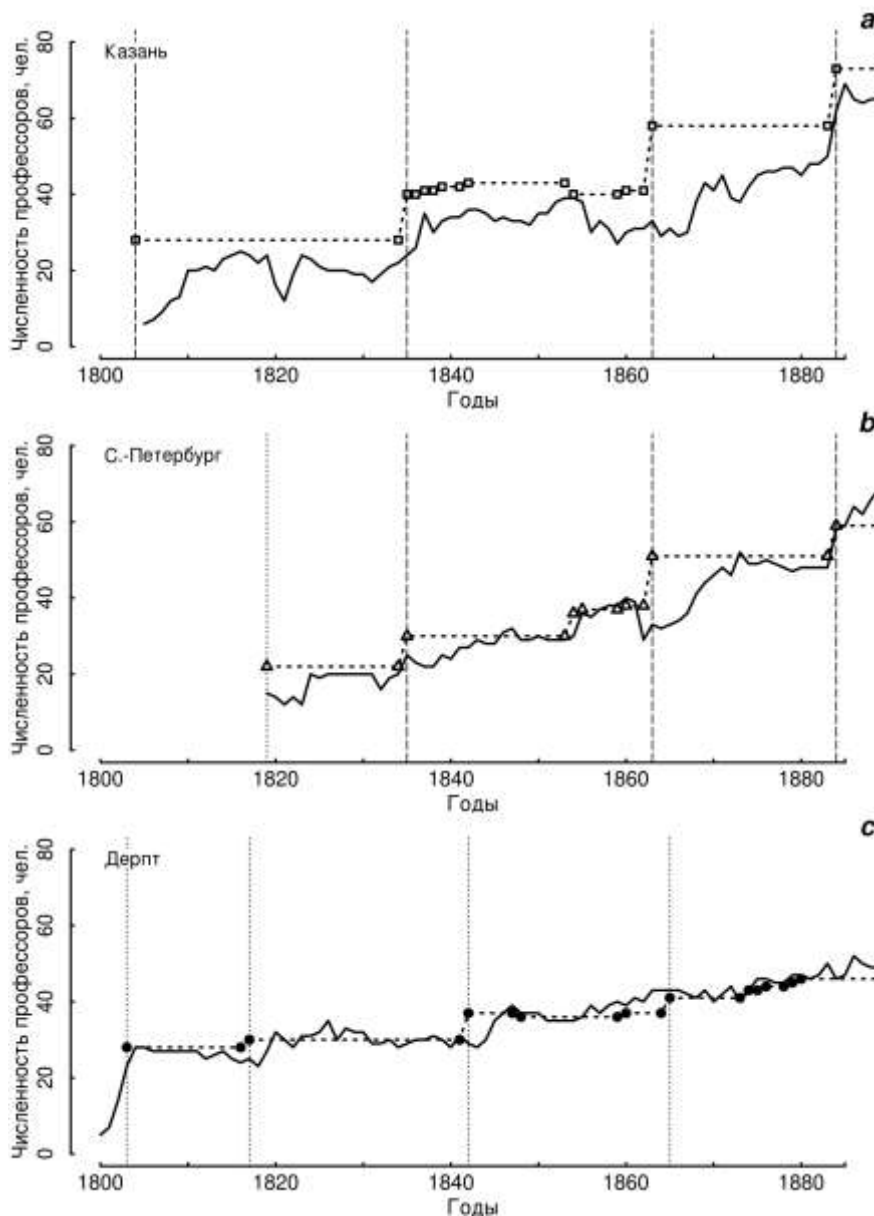

Рис. 3. Штатная (пунктирная линия со значками, отмечающими годы постановлений об изменении штата) и фактическая (сплошная линия) численность профессоров в Казанском (а), Санкт-Петербургском (b) и Дерптском (c) университетах. Значения вертикальных линий см. в подписи к рис. 1

университета. Осложнялось это тем, что в начале XIX в. поиск профессоров по России и Европе вели попечители всех учебных округов, на которых была возложена задача заполнения соответствующих заведений учёными [10, с. 75–77]. Университет в Казани, помимо того, что обладал наименьшей привлекательностью, располагаясь в отдалении от Европы и столиц, многое потерял от неудачного назначения первым попечителем учебного округа графа Г.А. фон Мантейфеля, который состоял в этой должности с 24 января по 20 июня 1803 г.,

но, проживая в Прибалтике, так и не приступил к своим обязанностям. В условиях соперничества учебных округов за профессоров, рассматривающих возможность переселиться в Россию, бездействие в течение полугода было существенным для университета [11, с. 86–88].

Вследствие дефицита кадров С.Я. Румовский сразу же охотно принял на службу лично знакомых М.И. Германа (р. 1754) и И.Ф. Яковкина (р. 1764), рекомендованного ему министерством М.-В.-Л. Сторля (р. 1761), а также находящегося в отставке в Санкт-Петербурге бывшего преподавателя Сухопутного шляхетного кадетского корпуса Г.Л. Бюнемана (р. 1752), очевидно, отправившегося в Казань за званием ординарного профессора. В результате корпус профессоров здесь изначально был сильно «состарен» (в остальных трёх университетах стартовый медианный возраст сообществ, сформированных за счёт молодых профессоров, напротив, был невысок). После этого, однако, Румовский привлекал на профессорские места очень молодых людей, небезуспешно стараясь выбирать наиболее перспективных. Так, К.Ф. Фукеу (р. 1776), И.О. Брауну (р. 1774), Х.Д. Френу (р. 1782), К.Ф. Реннеру (р. 1780) и И.Е. Нейману (р. 1780) не было ещё тридцати на момент назначения их профессорами в Казань. В итоге к 1809 г. медианный возраст опустился до минимальной отметки в 35 лет, после чего начал повышаться. Конструируя с нуля университет как профессорскую коллегия, Румовский не видел её состоявшейся. По его инициативе высшее учебное заведение оставалось слитым с гимназией и управлялось назначенным директором И.Ф. Яковкиным, хотя с приездом в 1810 г. сразу восьми профессоров преподавательский состав Казанского университета достиг размеров, характерных для коллегии Московского университета начала XIX в., до введения в действие Устава 1804 г. (см. рис. 1).

При «полном открытии» университета в 1814 г., состоявшемся уже при попечителе М.А. Салтыкове (1812–1818), состав профессоров был вновь пересмотрен и расширен на семь человек. В частности, были повышены до экстраординарных профессоров подающие надежды выпускники самого высшего учебного заведения, 28-летние П.С. Кондырев и В.М. Перевошиков, а также приглашены молодые учёные со стороны: 29-летний Г.Б. Никольский, 34-летний И.Е. Нейман. После этого незначительного, впрочем, омоложения в анализируемом сообществе наметилась некоторая стабилизация, выразившаяся в постепенном повышении медианного возраста. Однако уже через несколько лет последовало новое омоложение, связанное с деятельностью ревизора и попечителя М.Л. Магницкого (1819–1825) (см. рис. 2).

В 1819 г. М.Л. Магницкий уволил ряд профессоров ординарных: 64-летнего М.И. Германа, 55-летнего И.Ф. Яковкина, 49-летних И.Г. Томаса и Ф.Л. Брейтенбаха, 47-летнего П.Д.Ф. Цеплина, а также экстраординарных: 29-летнего А.И. Арнгольда, 30-летнего Е.В. Врангеля и 39-летнего О.Е. Срезневского. Этот факт Е.А. Вишленкова интерпретирует следующим образом: «Среди уволенных были преподаватели, которые либо в силу состояния здоровья (престарелые М.И. Герман и И.И. Эрих⁶, парализованный С.С. Петровский), либо в силу низкой профессиональной подготовки (И.Г. Томас, студент Ф.М. Отсолич,

⁶ Иван Иванович Эрих родился в 1755 г., на момент увольнения занимал должность адъюнкта.

Ф.Л. Брейтенбах⁷), либо по своим нравственным качествам (И.Ф. Яковкин, А.И. Арнольдт, Е.В. Врангель), либо замеченные в пристрастии к алкоголю (П.Д.Ф. Цеплин), не соответствовали статусу университетского педагога. По “идеологическим” соображениям было произведено лишь одно увольнение – профессора философии И.Е. Срезневского» [12, с. 107]. В свете выявленного резкого падения медианного возраста, произошедшего в связи с ревизией М.Л. Магницкого, можно предположить, что, увольняя профессоров среднего и старшего возраста, из которых Герман и Яковкин были к тому же старейшими профессорами по времени вступления в службу, попечитель старался сделать университетское сообщество более управляемым. Это объясняет и поддержку, которую он оказывал молодым профессорам университета [12, с. 108].

Нельзя упускать из виду того, что одновременно с увольнениями, предпринятыми ревизором, по собственному желанию в 1820 г. университет покинула группа профессоров: В.М. Перовщиков (р. 1786), Э.О. Вердерамо (р. 1778), Ф.К. Броннер (р. 1758) и И.М.Х. Бартельс (р. 1769). Их возраст колеблется от 34 до 62 лет. Конфликты Магницкого с профессорами способствовали их увольнению и в последующие четыре года. Его деятельность привела к омоложению рассматриваемой группы до отметки медианного значения в 35–36 лет. И только после отставки Магницкого 6 мая 1826 г. от должности попечителя учебного округа началось закономерное (естественное) старение профессуры.

Новые штаты, данные Казанскому университету одновременно с Уставом 1835 г., поставили его в ещё более уязвимое положение по сравнению со столичными высшими учебными заведениями из-за неравного жалования: 4000 и 5000 руб. (СПМНП, т. 2, с. 34–37). Однако массовая подготовка стипендиатов Министерства народного просвещения, обязанных после обучения и заграничного путешествия прослужить по меньшей мере 12 лет по данному ведомству, позволяла министру С.С. Уварову посылать в Казань учёных по своему усмотрению (СПМНП, т. 2, стб. 108). Проблемы с пополнением кадрового состава, почти незаметные в начале 50-х годов, резко обострились после Крымской войны 1853–1855 гг., когда бумажно-денежная эмиссия привела к росту цен на отдельные товары от 20% до 80% [13, с. 37] (см. рис. 3).

Помимо общих неблагоприятных условий, в 1854 г. из Казани в Санкт-Петербург был переведён восточный разряд. В совокупности это привело к тому, что в 1855–1856 гг. Казанский университет лишился сразу десяти профессоров: в северную столицу перебрались 38-летние И.Н. Березин и В.П. Васильев, а также вне связи с этим событием – 36-летние Д.И. Мейер и А.С. Савельев. Более того, в свете указанных изменений перестали быть преподающими профессорами 56-летний О.М. Ковалевский и 43-летний И.Ф. Готвальд. Первый остался в Казани ректором, а второй занял сразу несколько должностей, не связанных с преподаванием: библиотекарь, начальник типографии, цензор. Уезжали профессора не только в Санкт-Петербург: 43-летний Н.А. Иванов стал

⁷ Ф.Л. Брейтенбаха, вероятно, отнесли к этой группе профессоров ошибочно. К 1819 г. он был автором не менее 11 монографических трудов. Его могли плохо понимать студенты Казанского университета, так как свои лекции он читал по-немецки, однако он точно соответствовал занимаемой должности. После увольнения из Казанского университета Брейтенбах был определён директором Санкт-Петербургского форест-института (ИПРУ, с. 40–42).

профессором Дерптского университета, а 36-летний М.В. Ляпунов перевёлся в Демидовский лицей в Ярославле. Кроме того, ожидаемо вышел в отставку по достижении 60-летнего возраста Л.Ф. Камбек.

Отток сформировавшихся в Казани исследователей привёл к тому, что их места заполнялись более молодыми. В 1856–1858 гг. освободившиеся кафедры заняли В.М. Ведров (р. 1824), С.В. Ешевский (р. 1829), А.И. Козлов (р. 1817), Ю.А. Микшевич (р. 1824), Ф.В. Овсянников (р. 1827), А.А. Соколовский (р. 1822), Р.А. Шарбе (р. 1824). Медианный возраст этих учёных, назначенных экстраординарными и ординарными профессорами, составил 33 года с диапазоном от 28 до 39 лет.

Известно, что попечитель учебного округа В.П. Молоствов (1847–1857) был чрезвычайно обеспокоен оттоком профессуры из Казани. Обращаясь 17 октября 1856 г. с пространным письмом о состоянии Казанского университета к управляющему Министерством народного просвещения П.А. Вяземскому, он просил уравнивать жалованье столичных и провинциальных профессоров, увеличить сумму, выделяемую на учебные пособия, и вознаградить Казанский университет за потерянные при переводе восточного разряда в Санкт-Петербург восточную библиотеку и минц-кабинет, обещая, что «университет, обладая новыми средствами, в состоянии будет обеспечить себя относительно преподавателей» (РГИА. Ф. 733. Оп. 47. Д. 74. Л. 2 об. – 3). Позднее его расчёты трат на семью профессора были положены в обоснование штата 1863 г. В ожидании подготовки нового устава и штата Вяземский фактически смирился с ослаблением Казанского университета. Об этом свидетельствует его помета на полях доклада Е.А. Груббера, посетившего высшее учебное заведение в 1857 г.: «По отдалённости края и по недостатку содержания, никто из хороших профессоров не пойдёт охотой в Казань» (РГИА. Ф. 733. Оп. 47. Д. 127. Л. 8 об.).

Проблема с дефицитом кадров в Казанском университете после принятия Устава 1863 г. стала ещё более заметной, так как число штатных мест возросло (см. рис. 3), а количество профессоров поначалу осталось прежним, при том, что оно было недостаточным и по старому штату. Вопрос стали решать путём направления стипендиатов за границу на два года. На ситуацию повлияло и Положение об испытаниях на учёные степени от 4 января 1864 г., которое существенно изменило требования к получению степени доктора наук, сместив акцент с испытаний на написание «самостоятельного исследования какого-либо научного вопроса» [14, с. 116]. Защиты диссертаций, подготовленных по новым правилам, стали массово происходить через 2–4 года. Это привело к тому, что в 1868 г. профессорами Казанского университета стали 9 молодых учёных (Н.А. Головкинский (р. 1834), В.Г. Имшенецкий (р. 1832), А.О. Ковалевский (р. 1840), Н.А. Кремлев (р. 1833), Н.Ф. Леваковский (р. 1833), П.Ф. Лесгафт (р. 1837), В.И. Модестов (р. 1839), барон Ф.Ф. фон Розен (р. 1834), М.Ф. Субботин (р. 1835)), медианный возраст которых составил 34 года, а в 1869 г. – ещё 7 учёных (И.М. Гвоздев (р. 1827), А.Е. Голубев (р. 1837), И.М. Догель (р. 1830), П.И. Левитский (р. 1838), В.В. Марковников (р. 1838), Я.С. Степанов (р. 1831), Н.А. Фирсов (р. 1831)) с медианным возрастом 38 лет. Причём восемь из них покинули Казанский университет в течение последующих трёх лет. На этом эпизоде имеет смысл остановиться подробнее.

Кадровый кризис после принятия Устава 1863 г. коснулся не одного Казанского университета. Для решения данной проблемы министр народного просвещения граф Д.А. Толстой постановлениями от 20 сентября 1868 г., 31 марта 1869 г. и 12 мая 1871 г. уменьшил самоуправление Советов в решении кадровых вопросов [15, с. 495]. Это накалило обстановку во всех рассматриваемых высших учебных заведениях, а для Казанского университета имело большие последствия. Попечителю П.Д. Шестакову (1865–1883) не удалось выступить медиатором между большинством и меньшинством в Совете, в связи с чем конфликт принял публичный характер.

В открытом письме, напечатанном 23 сентября 1871 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» под заголовком «Что творится в Казанском университете?», П.Ф. Лесгафт отмечает: «И в коллегиальном учреждении могут быть ослаблены нравственные отношения между членами его, как скоро нет гласности (ибо протоколы не печатаются, протесты отвергаются, отдельных мнений не принимают и т. д.), а начальство поддерживает и незаконные действия. К крайнему сожалению, эти аномальные отношения уже заставили некоторых отдельных членов университета, каковы профессора Ковалевский [Александр Онуфриевич], Вагнер, Павлов [Алексей Степанович] и т. д., оставить Казанский университет; кафедры их остаются свободными или же опять различными незаконными путями замещаются слабыми силами» (цит. по [16, с. 45]).

Публикация обернулась для Лесгафта скандалом и увольнением. Вслед за ним 2 ноября 1871 г. из университета ушли сразу семь профессоров: В.В. Марковников (р. 1838), А.И. Якобий (р. 1827), А.Я. Данилевский (р. 1839), П.И. Левитский (р. 1838), А.Е. Голубев (р. 1837), В.Г. Имшенецкий (р. 1832) и Н.А. Головкинский (р. 1834). Их медианный возраст (вместе с Лесгафтом) составил 34 года, а этот же показатель у десяти профессоров, вступивших в должности в 1871–1872 гг., – только 31 год, хотя среди них были 45-летние Н.А. Осокин и А.М. Осипов.

Наконец, незначительное омоложение казанской профессуры произошло в самом начале 80-х годов XIX в. Оно было связано не с какими-либо действиями П.Д. Шестакова, а с более-менее естественной сменой поколений внутри коллегии профессоров. Смерть П.И. Котельникова (1809–1879) и Е.Г. Осокина (1819–1880), а также уход А.Г. Станиславского (1817–1883), увольнение Э.П. Янишевского (1829–1906), переход в Медико-хирургическую академию В.В. Пашутина (1845–1901) и приход на их место более молодых профессоров (Н.Ф. Высоцкий (р. 1843), И.С. Громека (р. 1851), Н.П. Загоскин (р. 1851), Д.А. Корсаков (р. 1843), А.И. Смирнов (р. 1838), М.А. Хомяков (р. 1841)) довольно резко повлияли на показатели медианного возраста за 1880–1881 гг. При этом средний возраст профессоров изменился в меньшей степени (см. рис. 4).

Выводы

Изучение возрастного состава профессоров четырёх российских университетов позволяет предположить, что почти все зафиксированные и изученные историками реформы и ревизии этих учебных заведений, представлявшие собой стороннее вмешательство в жизнь преподавательских сообществ, приводили к резкому снижению медианного возраста. Это могло происходить как за счёт

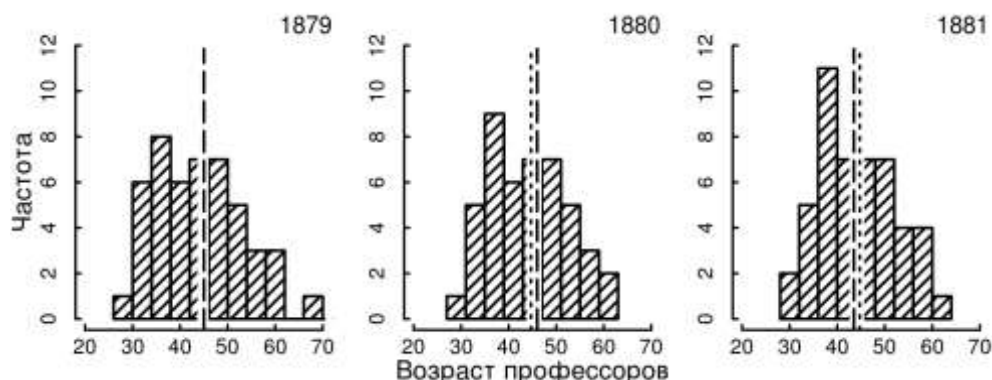

Рис. 4. Возрастные пирамиды применительно к профессорам Казанского университета (1879–1881 гг.). Штриховая вертикальная линия указывает медиану, пунктирная – среднее арифметическое возрастов для данного года. В 1879 г. линии проходят так близко, что одна перекрывает другую. Медианные возраста составляли на 1879, 1880 и 1881 гг. 45, 46 и 43.5 года соответственно, средние арифметические – 44.57, 44.71 и 44.75 года. По мере продвижения от 1879 к 1881 г. убыль происходит за счёт профессоров с возрастными выше медианного, а прирост – за счёт профессоров с возрастными ниже медианного, что и приводит в результате к снижению медианного возраста на 2.5 года

принятия молодых кадров (при С.Я. Румовском), так и в связи с уходом возрастными (при М.Л. Магницком и В.П. Молоствове). В конце 60-х – начале 70-х годов XIX в. снижение данного показателя произошло на фоне роста численности профессорского корпуса, за исключением её колебания, вызванного массовым увольнением 1871 г. Полагаем, что понижение медианного возраста в начале 80-х годов могло быть обусловлено демографическим кризисом, возникшим после долговременного плавного повышения указанного параметра. Резких изменений в численности профессоров в это время не происходило, что, на наш взгляд, указывает на отсутствие стороннего вмешательства в ход обновления сообщества (см. рис. 5).

Казанский университет в силу ряда условий, среди которых в первую очередь можно назвать местоположение и особенности финансирования, испытывал нехватку высококвалифицированных научных кадров в большей мере, чем Московский, Петербургский и Дерптский университеты. Сравнительное рассмотрение динамики медианного возраста показало, что казанская профессура чаще становилась объектом «ручного» управления попечителей и их кадровых ревизий. Однако для выяснения главной причины такого положения (ослабление преподавательского состава, вызванное компромиссными назначениями предшественников, или же волонтаризм попечителей отдалённого от столицы университета), необходимо привлекать другие источники.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 15-06-04531_а).

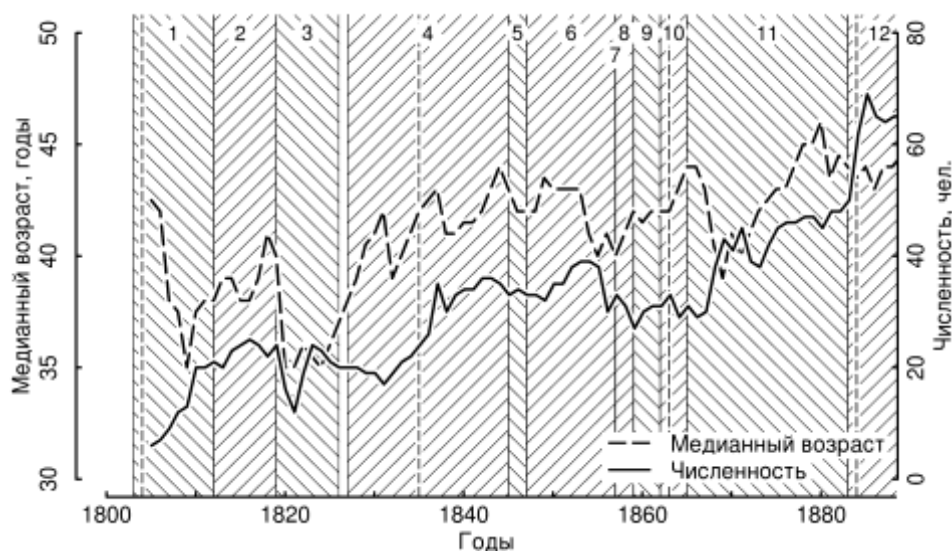

Рис. 5. Медианный возраст (штриховая линия, левая вертикальная ось) и численность (непрерывная линия, правая вертикальная ось) профессоров Казанского университета. С помощью непрерывных вертикальных линий и штриховки показана смена попечителей Казанского учебного округа, попечители обозначены номерами: 1 – С.Я. Румовский (20 июня 1803 г. – 6 июля 1812 г.); 2 – М.А. Салтыков (26 сентября 1812 г. – 4 августа 1818 г.); 3 – М.Л. Магницкий (ревизор на правах попечителя с 10 февраля 1819 г., попечитель с 8 июня 1819 г. по 6 мая 1826 г.); 4 – М.Н. Мусин-Пушкин (с 24 февраля 1827 г. исполняющий должность попечителя, попечитель с 16 марта 1829 г. по 15 апреля 1845 г.); 5 – Н.И. Лобачевский (18 апреля 1845 г. – 22 мая 1847 г.); 6 – В.П. Молоствов (22 мая 1847 г. – 12 мая 1857 г.); 7 – Ф.Ф. Веселаго (23 мая 1857 г. – 12 ноября 1857 г.); 8 – Э.А. Грубер (12 ноября 1857 г. – 23 апреля 1859 г.); 9 – П.П. Вяземский (4 ноября 1859 г. – 12 июня 1862 г.); 10 – Ф.Ф. Стендер (12 июня 1862 г. – 5 февраля 1865 г.); 11 – П.Д. Шестаков (5 февраля 1865 г. – 18 июня 1883 г.); 12 – П.Н. Масленников (18 июня 1883 г. – 3 мая 1890 г.). Краткий промежуток после М.Л. Магницкого Казанский учебный округ находился под временным управлением министра народного просвещения А.С. Шишкова. Штриховые вертикальные линии обозначают университетские уставы 1804, 1835, 1863 и 1884 гг.

Источники

- БСППИМУ – Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета [1755–1855]: в 2 ч. – М.: Унив. тип., 1855. – Ч. 1. – 485 с.; Ч. 2. – 673 с.
- БСППИУОУ – Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802–1902): в 2 т. – Юрьев: Тип. К. Матгисена, 1902. – Т. 1. – 666 с.; 1903. – Т. 2. – 676 с.
- БСППИКУ – Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета: за сто лет (1804–1904): в 2 ч. – Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1904. – Ч. 1. – 553 с.; Ч. 2. – 455 с.
- Мих. – Михайловский А.И. Преподаватели, учившиеся и служившие в императорском Казанском университете (1804–1904): Материалы для истории университета. – Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1901–1908. – Ч. 1, вып. 1–3. – 1647 с.

- СППИФФПУ – Список профессоров и преподавателей историко-филологического факультета императорского бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. – Пг., 1916. – 63 с.
- СППФМФПУ – Список профессоров и преподавателей физико-математического факультета Имп. бывш. Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. – Пг., 1916. – 63 с.
- СППЮФПУ – Список профессоров и преподавателей юридического факультета Имп. бывш. Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. – Пг., 1916. – 45 с.
- СППФВЯПУ – Список профессоров и преподавателей факультета восточных языков имп. бывш. Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. – Пг., 1916. – 35 с.
- ИПРУ – Иностранные профессора Российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.): Биогр. слов. / Под общ. ред. А.Ю. Андреева; сост. А.М. Феофанов. – М.: РОССПЭН, 2011. – 207 с.
- СБСППСПУ – Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917). – URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/pp1.html>, свободный.
- EAD – Erik-Amburger-Datenbank. – URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/tabellen/A.htm>, свободный.
- БМБН – Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура. XVIII – начало XX вв. Биол. и мед.-биол. науки: Биогр. слов. – СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2003. – 544 с.
- ХН – Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура. XVIII – начало XX вв. Хим. науки: Биогр. слов. – СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2004. – 274 с.
- НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Казанский университет. 57220 ед. хр.; Ф. 92. Попечитель Казанского учебного округа. 57220 ед. хр.
- ИПКУ – Костин А.А., Костина Т.В. Иностранные профессора Казанского университета 1830-х – 1850-х гг. // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2014. – № 3/4. – С. 108–117.
- СПМНП – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875. – Т. 1. – 1864 стб., 43 с., 44 стб.; Т. 2, отд-ние 1. – 1576 стб., 69 с., 54 стб.; 1876. – Т. 3. – 1528 стб., 28, 89–140 с., 48 стб.
- РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Департамент народного просвещения. 109344 ед. хр.

Литература

1. Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. – М.: Знак, 2009. – 640 с.
2. Костина Т.В. Мир университетского профессора Казани (1804–1863): Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2007. – 226 с.
3. Костина Т.В. Карьера в университете, или сколько лет должно быть профессору? (На материалах Казанского университета 1804–1863 гг.) // Диалог со временем. – 2007. – Вып. 20. – С. 262–269.
4. Сазонова Л.А. Повседневность университетского профессора Казани 1863–1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2009. – 217 с.
5. Бушугева Л.А. Повседневность университетского профессора Казани, 1863–1917 гг. – Казань: Центр инновац. технологий, 2012. – 287 с.

6. *Куприянов А.В.* От просопографии университетской профессуры до цифрового следа философского парохода: «средние данные» и формальные подходы в истории науки // *Топос. Филос.-культурол. журн.* – 2017. – № 1–2. – С. 111–137.
7. *Kostina T.V., Kouprianov A.V.* Growth or stagnation? Historical dynamics of the growth patterns of Dorpat University (1803–1884) // *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* – 2016. – No 3. – P. 31–45. – doi: 10.21638/11701/spbu02.2016.303.
8. R: A Language and Environment for Statistical Computing. Version 2/6/2 (2008-02-08) / The R Development Core Team. – URL: softlibre.unizar.es/manuales/aplicaciones/t/fullrefman.pdf, свободный.
9. *Костина Т.В.* Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835–1837 годах // *Уроки истории – уроки историка: Сб. ст. к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т.Н. Жуковская, отв. ред. А.Ю. Дворниченко.* – СПб.: Нестор-история, 2012. – С. 234–242.
10. *Андреев А.Ю., Цыганков Д.А.* Попечитель Императорского университета в системе народного просвещения Российской империи первой половины XIX в. // *Вестн. ПСТГУ.* – 2015. – Вып. 4. – С. 70–97.
11. *Костина Т.В.* Академик С.Я. Румовский и Казанский университет: историографический контекст // *Академия наук в истории культуры России XVIII – XX веков / Отв. ред. Ж.И. Алфёров.* – СПб.: Наука, 2010. – С. 81–101.
12. *Вишленкова Е.А.* Казанский университет Александровской эпохи: Альбом из нескольких портретов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – 240 с.
13. *Брегель Э.Я.* Денежное обращение и кредит капиталистических стран. – М.: Госфиниздат, 1955. – 424 с.
14. *Иванов А.Е.* Учёные степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. – М.: ИРИ, 1994. – 197 с.
15. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902. – СПб.: М-во народ. просвещ., 1902. – 785 с.
16. *Таймазов В.А., Курамшин Ю.Ф., Марьянович А.Т.* Пётр Францевич Лесгафт: История жизни и деятельности. – СПб.: Печат. двор им. А.М. Горького, 2006. – 480 с.

Поступила в редакцию
29.11.16

Костина Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
Университетская наб, д. 1, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: TanyaBizyaeva@yandex.ru

Куприянов Алексей Валерьевич, кандидат биологических наук, доцент департамента социологии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Союза Печатников, д. 16, г. Санкт-Петербург, 190008, Россия
E-mail: alexei.kouprianov@gmail.com

**The Personnel Policy for Curators in the Kazan Educational District
and the Age Dynamics of Professors at the Kazan University during 1804–1884***T.V. Kostina^{a*}, A.V. Kouprianov^{b**}*^a*Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch, St. Petersburg, 199034 Russia*^b*National Research University "Higher School of Economics", St. Petersburg, 190008 Russia*E-mail: ^{*}*TanyaBizyaeva@yandex.ru*, ^{**}*alexei.kouprianov@gmail.com*

Received November 29, 2016

Abstract

The dynamics of the age structure of university professors in Kazan, St. Petersburg, Moscow, and Dorpat has been analyzed from the time when the universities were established until 1884. The study is based on the prosopographical database containing records on the key events in the lives and careers of university professors compiled by the authors. New methods of data retrieval and visualization based on scripts created with the help of R programming language allow to analyze the temporal dynamics of the age structure in greatest detail. From the perspective of the temporal dynamics of the age structure, the history of universities can be subdivided into the periods of gradual simultaneous aging of a nearly stable population of professors followed by much shorter periods of rather dramatic rejuvenation. The latter are usually the (un)intended impacts of the active interventions of curators of the educational district or the Ministry of Education in the routine process of hiring and firing of university professors. The analysis has revealed a peculiar pattern of aging/rejuvenation periods at the Kazan University that differs significantly from more or less sustained dynamics of the three other universities under study. All critical rearrangements in the body of professors of the Kazan University, as well as their effects on the age structure have been discussed in detail. A number of factors contributing to the unique character of aging/rejuvenation patterns at the Kazan University (shortages of the early period of the Kazan University history, constant lack of qualified candidates for the vacant positions, and active interventions by the curators of the educational district) have been discussed.

Keywords: educational policy, educational district curators, Kazan University, Ministry of National Education, 19th century, age dynamics, universities, professors, cliometrics

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 15-06-04531_a).

Figure Captions

- Fig. 1. The total number of extraordinary and ordinary university professors in Kazan, Moscow, Dorpat, and St. Petersburg. Here and in Figs. 2 and 3, vertical lines denote the years when the charters were adopted: dashed lines – 1804, 1835, 1863, 1884 for Moscow and Kazan Universities, also for St. Petersburg University starting from 1835; dotted lines – 1803, 1817, 1842, 1865 for Dorpat University and 1819 for St. Petersburg University (following the establishment of the Main Pedagogical Institute).
- Fig. 2. The median age of university professors in Kazan, Moscow, Dorpat, and St. Petersburg. Vertical lines designated as in Fig. 1.
- Fig. 3. The staff size (dashed line with markers showing the years when the regulations on changes in staff structure) and actual (solid line) number of university professors in Kazan (*a*), St. Petersburg (*b*), and Dorpat (*c*). Vertical lines designated as in Fig. 1.
- Fig. 4. The age pyramids for professors of Kazan University (1879–1881). Vertical dashed line – the median, dotted line – the arithmetic mean of ages in the year. In 1879, the lines run so close to each other that they overlap. The median ages in 1879, 1880, and 1881 were 45, 46, and 43.5 years, respectively; arithmetic means – 44.57, 44.71, and 44.75 years. A decrease in the number of professors

from 1879 to 1881 occurs due to professors with the age above the median one, while an increase is associated with professors with the age below the median one, which leads to an overall decrease in the median age by 2.5 years.

Fig. 5. The median age (dashed line, left vertical axis) and number (solid line, right vertical axis) of professors at Kazan University. Using the vertical solid and dashed lines, the change of curators in the Kazan educational district is shown, curators are marked with numbers: 1 – S.Ya. Rumovskii (June 20, 1803 – July 6, 1812); 2 – M.A. Saltykov (September 26, 1812 – August 4, 1818); 3 – M.L. Magnitskii (inspector authorized for curation from February 10, 1819, curator from June 8, 1819 to May 6, 1826); 4 – M.N. Musin-Pushkin (acting as a curator from February 24, curator from March 16, 1829 to April 15, 1845); 5 – N.I. Lobachevskii (April 18, 1845 – May 22, 1847); 6 – V.P. Molostvov (May 22, 1847 – May 12, 1857); 7 – F.F. Veselago (May 23, 1857 – November 12, 1857); 8 – E.A. Gruber (November 12, 1857 – April 23, 1859); 9 – P.P. Vyazemskii (November 4, 1859 – June 12, 1862); 10 – F.F. Stender (June 12, 1862 – February 5, 1865); 11 – P.D. Shestakov (February 5, 1865 – June 18, 1883); 12 – P.N. Maslennikov (June 18, 1883 – May 3, 1890). After M.L. Magnitskii, the Kazan educational districted was under temporary curation of A.S. Shishkov, the Minister of National Education. Vertical dashed lines show the university charters of 1804, 1835, 1863, and 1884.

References

1. Andreev A.Yu. Russian Universities of the 18th – Early 19th Centuries in the Context of the History of Universities in Europe. Moscow, Znak, 2009. 640 p. (In Russian)
2. Kostina T.V. The world of a university professor in Kazan (1804–1863). *Cand. Hist. Sci. Diss.* Kazan, 2007. 226 p. (In Russian)
3. Kostina T.V. University career or how old a professor should be? (Using the materials on the Kazan University in 1804–1863). *Dialog so Vremenem*, 2007, no. 20, pp. 262–269. (In Russian)
4. Sazonova L.A. The daily life of a university professor in Kazan during 1863–1917. *Cand. Hist. Sci. Diss.* Kazan, 2009. 217 p. (In Russian)
5. Bushueva L.A. The Daily Life of a University Professor in Kazan, 1863–1917. Kazan, Tsentr Innovats. Tekhnol., 2012. 287 p. (In Russian)
6. Kouprianov A.V. From the prosopography of university professors to the digital track of the philosophical ship: “averaged data” and formal approaches in scientific history. *Topos*, 2017, nos. 1–2, pp. 111–137. (In Russian)
7. Kostina T.V., Kouprianov A.V. Growth or stagnation? Historical dynamics of the growth patterns of Dorpat University (1803–1884). *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2016, no. 3, pp. 31–45. doi: 10.21638/11701/spbu02.2016.303.
8. R: A Language and Environment for Statistical Computing. Version 2/6/2 (2008-02-08). The R Development Core Team. Available at: softlibre.unizar.es/manuales/aplicaciones/r/fullrefman.pdf.
9. Kostina T.V. Revision of the staff of Russian universities in 1835–1837. *Uroki istorii – uroki istorika: Sb. st. k 80-letiyu Yu.D. Margolisa (1930–1996)* [Lessons of History are Lessons for Historians: Collection of Papers Dedicated to the 80th Anniversary of Birth of Yu.D. Margolis (1930–1996)]. Dvornichenko A.Yu. (Ed.). St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2012, pp. 234–242. (In Russian)
10. Andreev A.Yu., Tsygankov D.A. The curator of the imperial university in the system of national education of the Russian Empire during the first half of the 19th century. *Vestnik PSTGU*, 2015, no. 4, pp. 70–97. (In Russian)
11. Kostina T.V. Academy of Sciences in the History of Russian Culture during the 18th – 20th Centuries. *Akademik S.Ya. Rumovskii i Kazanskii universitet: istoriograficheskii kontekst* [Academician S.Ya. Rumovskii and Kazan University: Historiographical Context]. Alferov Zh.I. (Ed.). St. Petersburg, Nauka, 2010, pp. 81–101. (In Russian)
12. Vishlenkova E.A. Kazan University during the Reign of Alexander I: Album with Several Portraits. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2003. 240 p. (In Russian)
13. Bregel E.Ya. Currency Circulation and Lending in Capitalist Countries. Moscow, Gosfinizdat, 1955. 424 p. (In Russian)
14. Ivanov A.E. Academic Degrees in the Russian Empire from the 18th Century to 1917. Moscow, IRI, 1994. 197 p. (In Russian)

15. Rozhdestvenskii S.V. Historical Review of the Activity of the Ministry of National Education: 1802–1902. St. Petersburg, M-vo. Narod. Prosveshch., 1902. 785 p. (In Russian)
16. Taimazov V.A., Kuramshin Yu.F. Mar'yanovich A.T. Petr Frantsevich Lesgaft: History of Life and Work. St. Petersburg, Pechat. Dvor im. A.M. Gor'kogo, 2006. 480 p. (In Russian)

Для цитирования: Костина Т.В., Куприянов А.В. Кадровая политика попечителей Казанского учебного округа и динамика возрастного состава профессоров Казанского университета в 1804–1884 годах // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 4. – С. 925–941.

For citation: Kostina T.V., Kouprianov A.V. The personnel policy for curators in the Kazan educational district and the age dynamics of professors at the Kazan University during 1804–1884. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 4, pp. 925–941. (In Russian)